

Жена моего врага

Автор:

Галина Емельянова

Жена моего врага

Галина Васильевна Емельянова

Много лет назад она выбрала не его, значит, выбрала лучшего из всех. Девушка его и не только его мечты. Судьба распорядится так, что Он встретится с ее мужем в честном бою. У каждого из них своя правда и свой путь. А любимая женщина одна – та, которая ждет. И испытания будут даны им судьбой, чтобы понять: им двоим выпал шанс, начать все сначала – жить, любить и побеждать...

Жена моего врага

Галина Васильевна Емельянова

© Галина Васильевна Емельянова, 2020

ISBN 978-5-0051-0700-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бой Леха

Старый двухэтажный дом, с каменной кладкой, стоял на окраине аула, с одной стороны ему защитой служило глубокое ущелье, а с другой открытая площадь.

Тот, кто строил его еще в царские времена, был уверен, его дом, его крепость не взять штурмом.

Но время и войны, оставили дом без хозяев, и он зиял пустыми окнами, а крышей ему служило огромное синее небо.

Если раньше дом слышал детский смех и шепот молитв, то теперь его покой нарушал шум боя.

Снайпер, засевший в доме, не давал поднять отряду «федералов» головы.

- Что, будем ждать подкрепление? Если до вечера не снимем его, то по темноте уйдет, - командир, устало вытер потный лоб.

- Да, я его сейчас сделаю, вот минометом дырку просверлим, и под прикрытием начнем штурм.- Откликнулся Леха Егоров, на войне просто «Берц», - Живьем бы взять.

- Да нет, там профи засел, по почерку видно.- Откликнулся Лехин напарник Костя Емельянов, с позывным «Кот». Он выглянул из-за угла чайханы, где скрывались «федералы» и тут же отпрянул, пуля снайпера совсем рядом чиркнула по кирпичам, и осколок отскочил от бронированного шлема.

Тут уж как получится, - командир покачал головой, - там матерый зверь засел, по почерку видно. Такой живьем не дастся, а если и сдохнет, то перед этим много крови переведет.

Далеко после полудня, когда солнце спряталось за горными вершинами, а душная жара спала, уступая место прохладе, начал гулко ухать миномет. Снаряды ложились то ближе к дому, то дальше, их основной задачей было прикрыть наступление штурмовой группы. Натянув маску, чтобы защитить глаза и легкие от пыли, Егоров кивнул напарнику.- Пошли.

Сквозь дым и огонь, через рухнувшую стену они успели пробежать до мертвой зоны. Непрерывный обстрел заставил снайпера затаиться, и пока он молчал, спецназовцы, прикрывая друг другу спины, стали осторожно подниматься по лестнице на второй этаж.

Все произошло очень быстро. Им оставалось преодолеть всего несколько ступенек, когда в них полетела граната. Костя рванул в сторону, пытаясь прикрыть напарника, и нажал на гашетку автомата. Очередь веером ударила в потолок, оставив паутину трещин. Сверху посыпались куски кирпича и штукатурки. В этот момент Алексей успел увидеть лицо врага, а главное его взгляд, с удивительно знакомым, наглым прищуром.

Снайпер был без балаклавы, специальной шапки-маски, что было удивительно, но через мгновение Лехе было уже не до удивления. В ноги вонзились горящие угли, потом темнота и ощущение, как кто-то, расстегнув ворот куртки, снимает с него цепочку с номерным жетоном. Он попытался было открыть глаза, но снова провалился в омут беспамятства.

Он очнулся в госпитале, молоденькая медсестра ставила ему капельницу, он задал самый главный для него вопрос: «Напарник мой выжил?»

Медсестра поправила повязанную по – горски косынку и что-то ответила, но Леха ее уже не услышал, снова провалился в глубокое забытие.

Ответ уже на утреннем обходе дал военврач: «Жив, ваш, напарник, весь в крови, но ни одной царапины. Осмотрен и хоть и просился у вашей постели подежурить, мы его выписали, навестит скоро, ждите».

Алексей обрадовался, он мечтал на свадьбы к друзьям ездить, а не сопровождать груз «200». И к тому же, если Леха вырос в интернате или просто детдоме, то у друга была мама, и, слава богу, что он выжил. А ранения, что же бывало и хуже, но оказалось, что хуже еще не было, раны гноились, не заживали, и Егорову дали отпуск на три месяца.

Костя не приходил и не звонил, что было на него не похоже, но понятно и не обидно. Видно не дождавшись, он поехал к матери, а там и завертелась карусель, может и встретил, ту самую единственную, о которой мечтает каждый, и которая будет ждать его возвращения. Вот и не звонит «Кот», чтобышний раз не беспокоить, а как все заживет, они и встретятся. Да и с чего он взял, что они всего лишь просто друзья. Надпись на стене учебки – «Для солдата нет уз более святых, чем воинское братство», глубоко врезалась в память и он в неё верил.

Летними ночами, когда боль не давала уснуть, Леха снова и снова вспоминал бой, взрыв и лицо вражеского снайпера, и вспомнил – Тимур Колыванов, вот кто это был.

Алексей еще только поступил в училище ВДВ, а Тимур его уже заканчивал. В ту весну Леха, как и всякий салага, в промежутках между отупляющей муштрой и нарядами, часто дежурил на КПП и был вынужденным свидетелем жарких свиданий и девичьих слез. Но больше всего ему запомнилась она. Не похожая ни на одну из вульгарных девчонок его фабричной окраины, словно сошедшая с киноэкрана, с копной светлых кудрей и зелеными русалочьими глазами, девушка со сказочным именем – Варвара.

Весь тот день Тимур был занят, дежурил на «тумбочке», а Варя, стоя под майским дождем в легком сарафане, все равно его ждала. Заприметив симпатичную блондинку, начальник училища предложил подвезти девушку в город, но та решительно отказалась. Тогда Леха преодолевая робость, так ему несвойственную, заговорил с ней, вынес плащ-палатку и укрыл от ливня. Позже, так и не признавшись себе, что влюбился с первого взгляда в семнадцатилетнюю первокурсницу пединститута, он искал похожую, но так и не нашел.

Через два часа, не дождавшись, она отдала Егорову плащ и ушла, а Алексей, глядя на её хрупкую фигуру, подумал, если и жениться, то только на такой – чистой и преданной. Начал вспоминать и сравнивать с ней знакомых девчонок и немногих женщин, с которыми довелось провести ночи до армии.

Он не был, наивным девственником, Леха Егоров, девчонкам пэтэушницам нравилась его спортивная фигура, незлобивый характер. Он легко забывал жаркие ночи, когда девчонки дарили себя без остатка, часто просто на лавке в сквере. И презрения он к ним не испытывал, скорее жалел, ведь он их не любил, да и они, наверное, сами не знали, что это такое – любить.

К Вале у него было что – то такое, невозможно воздушное, похожее на облака, или на сны о матери, которую он никогда не видел, неосуществимые и прекрасные.

И к Тимуру он не ревновал, бывало глупо, по-мальчишески злился на себя, но стиснув зубы, понимал, если она выбрала не его, значит, выбрала лучшего

из всех. Слушал, грязные комментарии курсантов, завистливо мусоливших тему отношений в увольнении, а засыпая, видел сны, где все было по -другому, прекрасно и без пошлости.

Для Тимура последний год учебы закончился глупо: из-за свидания ушел в самоволку, кто-то из сокурсников его сдал отцам – командирам. И вместо лейтенантских погон солдатский хлеб, правда, все- таки в родных ВДВ, и войны хлебнул, все считали его заговоренным. При всей его бешеной храбрости, звериное чутье на опасность у недоучившегося курсанта было такое, что пережил многих.

Леха снова вспомнил наглый взгляд, вот значит, как жизнь повернулась у парня, в наемники подался.

Память, о той первой юношеской любви, вдруг ожила, и конечно если бы не отпуск по ранению, он бы снова отправился в командировку, и все бы сложилось по-другому.

В телефоном справочнике Колывановых в Москве оказалось немало, но в сочетании с именем Тимур редкое. И поэтому, легко определившись с адресом, Алексей с волнением позвонил в дверь новостройки, в престижном районе.

Встреча Варя

Варя почти не изменилась. Все так же стройна, ухожена и красива, только усталые «гусиные лапки» в уголках глаз и черный шелковый шарф, делали ее старше, как и любое горе.

Девушка его, и не только его мечты.

– Проходите, – старясь казаться спокойной, произнесла женщина, поправляя рукой шарф, знамя своей скорби.

Человек в штатском, заслоняя собой узкий коридор, прошел в зал и сел на стул. Был он высок, накачан, под широкими темными бровями, очень детские голубые глаза.

В комнату робко вошли дети, девочка лет десяти и мальчик, дошкольник. Леха глядел в пол, на вязанные шерстяные носки мальчика, мужчина боялся поднять глаза и увидеть в детских лицах, черты недавнего врага.

Он сразу и бесповоротно решил не говорить женщине правду. Пусть кто-то другой, но не он.

- Вот, - гость привстал, и, вынув из заднего кармана брюк портмоне, положил на стол небольшую пачку денег.

- Довольствие за два месяца, - пояснил он растерянной женщине.

Женщина махнула отрешенно рукой, и девочка, взяв малыша за руку, увела в детскую.

- Я ничего не понимаю, я думала, придут из военкомата, но вот также пришел какой-то сослуживец мужа и принес справку о смерти и тоже деньги. А где же «похоронка, - она вспомнила, давнее, слышанное в кино слово.

- А справку, можно посмотреть?

Официальное заключение о смерти, дата, печать, в тот день его, Алексея вывезли на лечение в Москву.

Варя, не рыдая, смотрела на вестника беды: «А где же могила, ничего кроме справки. Что детям сказать, когда вырастут?»

- Там, такая рубка шла, многих в братской могиле оставил, но мы еще вернемся, - уверенно закончил он.

- Ну как же так, где это, хоть горсть земли, чтобы в церкви отпеть.

Он растерянно молчал. Лежа по госпиталям, он меньше всего думал, что состоится эта встреча с женой врага, самой прекрасной женщиной на земле.

- В следующий раз, как только попаду туда опять.- Угрюмо сказал Алексей, ему вспоминалась яма на окраине аула, где хоронили боевиков, тех, за чьими телами не приехали родственники.

- Чай, кофе, - вдруг предложила хозяйка, а потом мягко осела на пол.

Варя очнулась от холода, мужчина уже перенес ее в кухню и умывал ей лицо шершавой ладонью.

Увидела участливое лицо гостя и глубоко вздохнула.

- Кому позвонить?

- Зачем?

- Ну, пусть придут, поддержат.

- У нас никого нет. Здесь в Москве нет. Тимур сиротой рос при живых родителях. Вы не беспокойтесь, мне уже лучше.

О чужих женах. Леха

Алексей, попрощавшись, ушел. Во дворе зашумел дождь, торопиться было некуда, он сел на ступеньки и сжал голову руками. Если бы она сказала, останься, он остался бы в этом доме навсегда.

Тогда в училище, и потом, воюя и отлеживаясь в госпиталях, он, всегда представляя ее - ту, которая его ждет и всегда она была похожа на Варю.

Вот уже и виски поседели, а так вот пришлось встретиться. Жена врага, пусть убитого, но врага. И дети, врага, не его. Зачем он пошел? Что хотел знать?

И радости от того, что враг все-таки убит, нет.

Он теперь часто сидел в ее дворе, незаметно провожал ее с детьми до школы. Стоял за их спинами в церкви, Варя даже в церкви не плакала, и его не замечала.

Конечно, он не был монахом, правда, опровергая все анекдоты, никогда не спал с женами друзей. А вот с вдовами...

Была у него в жизни история, скорее печальная, чем пошлая.

Боевой друг его умирал не от ран, и не в бою. Скосил молодого тридцатилетнего мужчину рак. Сделали операцию, и выписали домой – умирать. Валера, так звали боевого друга, последний год был инструктором в спецподразделении, и виделись они редко. Высокий, под два метра мужик, гнувший подковы, теперь лежал, высохший, желтый, похожий на мумию.

Леха, старался смотреть другу прямо в глаза, и хотел запомнить его тем Валеркой, сильным и ловким зубоскалом, у которого на все случаи жизни была готова шутка.

Перед смертью Валера, попросил у Лехи в долг, и потом, счастливо улыбаясь и плача от боли, рассказывал, как любовался женой в новой норковой шубе.

Алексей встретился с Мариной, женой друга, после его смерти в день годовщины. Проводить Валеру в последний путь не успел, был на задании, а она позвонила после поминок, захотела отдать деньги.

Они встретились у нее на квартире, просидели до утра, пили вино, вспоминали Валеру, а потом она постелила ему на диване, он остался, и еще раз, потом перевез вещи.

Похожая на цыганку Марина, ярко красилась, ярко одевалась. И вся была такая словно огонь – обжигающая, умелая в ласках, хозяйственная – повезло, одним словом

Он верил, жена офицера, это женщина – судьба, не предаст, и дождется, каким бы ты не пришел с войны.

Было с Мариной и сытно, и сладко, Алексей почти поверил в присказку «стерпится – слюбится», но она его предала, как, наверное, и Валерку предавала, когда он болел.

Он не смог вылететь на задание, в Москве был шквальный ветер, проливной дождь, он вернулся домой, чтобы своими глазами увидеть Марину с другим мужчиной. Ничего так бычок, но слабоват против Алексея.

Наверное другой бы набил сопернику морду, а он просто выставил того на площадку в чем мать родила. Запах крови и смерти у многих вызывал тошноту, а Леху тошнило от гадливости, с воображением у него было туговато, а вот с понятием чести он был знаком не понаслышке.

Собрал вещи, и ушел, не слушая обвинения в частом отсутствии, и что-то там о проходящей молодости. Марина звонила не раз и не два, потом перестала. Он не испытывал боли от этой измены, наверное оттого, что знал, есть другие – верные.

Такие, как жена их «Бати», уже двадцать лет вместе или жена Савушкина Андрея. Того еле собрали после боя в полевом госпитале, инвалидное кресло, почти ослеп, а жена и даже теща, на него чуть ли не молятся.

Андрей Савушкин, пацан был неказистый, и уши слишком большие, да еще беда, лысеть начал рано. С девчонками тоже не очень ладилось, те, кто нравился парню, над ним смеялись. Так что невесту ему выбирала мама, пусть и задержавшуюся в старых девах дочь старой знакомой, но квартира у нее была трехкомнатная, а у Андрюшки еще пять сестер замуж отдавать.

Как водится, сойтись помогла водка, шашлыки и идеальная чистота в квартире. После скучной жизни с безалаберными сестрами, Андрюша, стал, кататься, как сыр в масле.

После срочной службы, Савушкин остался служить по контракту. В своем решении он был тверд, и жене с тещей пришлось смириться.

В армии у Савушкина, неожиданно для него самого, открылся талант, прекрасная память на цифры. Это было удивительно, но он, еле – еле окончивший школу и имевший тройки по математике, прекрасно запоминал шифровальные таблицы любой сложности. И на рации работал, как «бог», так считали в учебном центре и в разведгруппе.

Так впервые, парень, обсмеянный одноклассниками двоечник, осознал свою нужность.

В глубинную разведку Андрей теперь посылали часто, и в одном из таких рейдов, на обратном пути, вся группа попала в засаду. Их отряд спасло то, что на помощь им успел выдвинуться взвод бойцов спецназа ГРУ, и Савушкина, хоть и контуженного миной, истекающего кровью успели вынести на плащ-палатке, и доставить в госпиталь.

Савушкин проснулся от боли, выкручивало ноги, он открыл глаза.

– Маша, сделай что-нибудь, сил нет терпеть, ноги ломит, – и увидел, как его Маша, такая всегда витающая в облаках, и ни разу при нем не плакавшая, теперь вот плачет, не скрывая слез от лежащих в палате раненых.

Он зацепился здоровой рукой за край простыни и приподнял затекшее тело.

Ног ниже колен не было, и руки одной тоже, остался обрубок, даже протез не одеть.

Боли вначале были такие, что обезболивающее действовало на краткое время, а потом он мычал, кусая край подушки.

Мама Андрея зашла раз, зашла два, поняла, что не ошиблась с выбором снохи и перестала бывать в госпитале. Сестры Андрея, здоровые кобылицы, заглядывали, к оказавшейся в беде семье, редко.

Маша словно очнулась, поняла свою нужность, и незаменимость, и вдруг оказалась очень сильной. Раньше все за нее делала то мама, то Андрей, а теперь, она, стиснув зубы, поднимала мужа, мыла, переодевала, даже в кресло инвалидное могла перенести.

Она пошла в свой Дом пионеров, где она перечитала все книги в библиотеке, и обратилась за помощью. Пришли подростки и собрали у них в комнате радиостанцию.

В доме запахло горячей канифолью, Андрей с помощью руководителя радиокружка Сан Саныча, что-то там паял, и скоро смог выходить в эфир.

Он, обреченный войной на будущее в четырех стенах, теперь мог слышать и говорить с целым миром.

Быть нужным, мало это или много, кого-то это ломает, а кому – то дает силы жить полноценно и радостно.

Конечно, слезы были, и край отчаяния наступал, но им Бог дал силы это пережить, не озлобиться и стать счастливыми.

Леха навестил Андрея в его в день рождения, прошло уже пять лет с того памятного боя, в доме словно и не было больного человека, ни плача, ни потухших глаз.

Жена, теща, все делали радостно, и гостей кормили сытно и от души, а Андрей, сидевший в инвалидном кресле, был весел и опрятен. Ему на здоровую руку положили сына – первенца, он попросил снять с младенца шапочку, чтобы все увидели, смешные большие уши.

- Папины уши! – счастливо засмеялся Андрей.

Леха тоже ушел радостным, за друга, с надеждой, что вот и у него будут жена, дети. Его обязательно будут ждать, какой бы он не вернулся.

Семья. Леха

Дежуря на своем посту в Варином дворе, Алексей проголодался и пошел на ближний рынок, перекусить в столовой, там они с Варей и встретились. Она несла большие пакеты с продуктами, Алексей решительно подошел и взял у нее

тяжелые сумки.

– Вот, сорок дней уже, поминки хочу сделать, – она, словно продолжала прерванный разговор. – Соседей позову. Я ведь так и не работала после института.

Донес сумки до квартиры, и был счастлив ее приглашением зайти выпить чай.

За чаем, Варя сидела и записывала количество гостей, сокрушалась, что никого кроме Алексея не знает из сослуживцев погибшего мужа.

– А ведь я и больше чем на троих и не то готовила никогда, а тут вот соседок двенадцать человек набирается. Это сколько же картошки чистить надо.

– А я в детдоме чемпионом был по чистке картошки. Справимся, – уверенно закончил Егоров чаепитие.

Картошку чистили втроем: девочка Настя, Леха и малыш Жорик. Мальчику нож не доверили, зато он усердно намывал чищеную картошку, устраивая морской бой. На полу образовались лужи, и сам «адмирал» был в мокрой одежде.

Варя, поставив, варится щи, увела сына переодеваться.

Настя все делала основательно и спокойно, и на удивление очень умело, когда Алексей похвалил ее, и лицо ее зарделось от смущения.

Наконец этот день наступил, пришли какие-то тетки-соседки, все немолодые, равнодушно посочувствовали и, выпив, разошлись. Потом пришла молодая, девица, отчего-то с черной лентой на голове. Леха видел, как закаменело Варино лицо, и понял, что новой гостье здесь вроде и не место.

Девчонка лихо выпила три стопки водки, закусив все кутьей, ушла, правда, при уходе взяла со столика портрет Тимура, поцеловала, оставив на стекле следы яркой помады.

Варя после ее ухода, как – то сразу устала, пожаловалась Алексею на головную боль, и ушла в спальню. Дети были в садике и школе, и Леха ожесточенно

намывая на кухне посуду, подумал, что не все так счастливо было в Вариной жизни с Тимуром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emel-yanova_galina/zhenamoevogovraga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)